

38 190

РАССКАЗЫ

ИЗ

РУССКОЙ ИСТОРИИ

МОСКОВСКИЕ ЛЮДИ

XVII^{-го} века.

СОСТАВИЛА С. П. Даль.

Цена 10 коп.

МОСКОВСКИЕ ЛЮДИ

XVII^{го} века.

По книге Е. П. Карновича
(„Исторические и бытовые очерки“).

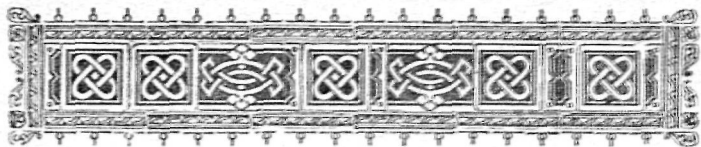
Составила С. П. Даль

Москва. 1897.

Типография Общества распространения полезных книг.
Моховая, против Манежа, д. кн. Гагарина.

Дозволено цензурою. Москва, 25 октября 1897 года.

Московские люди XVII^{го} века.

ГЛАВА I.

В 1684 г. по тульской дороге, в маленькой рогожной кибитке, на своей лошадке подъезжал к Москве торговый человек Демьян Григорьевич Антуфьев с племянником своим Никитою. Ехали они из Севска*). Хотя путь их был и не очень далек, но не мало натерпелись они хлопот и беспокойства.

В городах, через которые они проезжали, на таможенных заставах и рогатках их останавливали дозорные.

— Ты отколь и куда едешь? — кричали они.

*) Севск — уездный город Орловской губ. при речках Севе и Морице; существовал уже в 1146 г. В смутное время в Севске был расположен стан Лжедмитрия 1-го.

— Еду из Севска, государевой отчины, в Москву!—отзывается дядя.

— А проезжая грамота есть?

— Как не быть.

— Ну-ка, покажь ее нам.

И купчина вытаскивал из-за пазухи клочок серой бумаги. Малограмотные дозорные, для пущей важности, принимались внимательно рассматривать поданную им бумагу, и если не держали ее верхом вниз, то потому только, что приложенная к ней черная восковая, полустертая уже печать, показывала мало-мальски сметливому человеку, где было начало и где конец написанному.

— А не воровская ли она будет? спрашивал кто-нибудь из дозорных.

— Оборони Бог!,... Стану ли таким делом заниматься?

— А кто с тобой в пути?

— Племяш мой....

— То-то смотри...

Но обыкновенно все дальнейшие вопросы со стороны дозорных прекращались, когда проезжий брался за мошну, показывая тем самым, что он, уплатив проезжую пошлину, не желает оставить без подачи и дозорных.

На иных заставах более придирчивые дозорщики начинали высказывать равные подзрения.

— Да не беглые ли вы будете холопы? спрашивали они.

— Были бы беглые, так в Москву не потянулись бы, а пробирались бы на Украину в вольные степные места, — находчиво отвечал старик Антуфьев.

— И то правда, — поддакивали дозорные, видя, что для них в руках проезжего заготовлен алтын.

На иной заставе к разным вопросам прибавляли:

— Конь-то у вас свой ли? не ворованный ли?

— Что ты, кормилец, да у меня в Севске ещё тройка таких будет!

Но один или два алтына, сунутые дозорщикам устраняли тотчас все подозрения, которых собственно и не было, а высказывались они лишь для того, что бы припугнуть и принажать проезжих. Особенно часто накидывались на Антуфьевых земские ярыжки *). Они прямо заявляли им, что таких людей как они по приметам и ищут и на основании этого хотели волочить их то к старосте, то к воеводе.... Но кроме того путешественников могла в ту пору постигнуть и более существенная невзгода. На проезжих по боль-

*) Земский ярыжка — низший служитель полиции для рассылки и исполнения разных приказаний.

шим дорогам нападали нередко разбойники, грабили и убивали их. Предводителями разбойничьих шаек бывали не только беглые и крестьяне, но нередко между ними находились люди княжеского и дворянского рода.

Все же, несмотря на равные мытарства, Антуфьевы благополучно добрались до Москвы и теперь думали только о том, как бы благополучно въехать в самый город.

II.

емьян Антуфьев был уже старик лет шестидесяти слишком. Считался он человеком бывалым, так как ездил из Севска по Украине и закупал там скот, который потом перепродавал с выгодой для себя. Правда, бывали неудобства в этой торговле, так как нередко падежи в большом количестве истребляли рогатую скотину и Демьян Григорьевич по временам терпел большие убытки, но, как торговец сметливый и оборотливый, скоро поправлялся и принимался снова за свой обычный промысел.

Казалось бы, что Демьян Григорьевич мог хорошо жить у себя на родине, в Севске,

но старого купчину подмывало желание попытаться счастье на стороне; правда, — не для себя лично, но для любимого племянника своего Никиты. На Руси в это время ходили слухи, что торговым людям в Москве живется не только лучше, но и почетнее, чем где-нибудь в другом месте, что в Москве не такое заурядное купечество, как в других царских городах, а есть и важные торговцы из суконной и гостиной сотен. Рассказывали также в народе, что на Москве не своевольничают и не притесняют простых людей так, как это повелось в других местах, где воевода, его дьяк и подьячий *) обижали и разоряли безнаказанно торговых людей и даже забирали силою из их лавок всякие товары, какие им полюбятся.

Никита был единственный племянник Демьяна, да в добавок еще крестник. Бездетный Демьян взял его вместо сына и хотел передать ему в наследство все свое добро, а пока собирался пристроить в Москве по торговой части у кого-нибудь из своих земляков, которых в ту пору было там не мало.

Между тем Никита не только не проявлял склонности к торговле скотом, но с неудовольствием отзывался о всем купеческом

*) Подьячий — мелкий канцелярский чиновник,

промысле.... Да и вообще — не то было на уме у Никиты.

Дядя его по тогдашнему считался человеком начитанным по божественным книгам и, не смотря на свои хлопотливые занятия, поучал время от времени своего племянника и настаивлял его на путь добрый; но Никите этого было мало и хотелось ему отведать настоящего книжного учения. Правда, что учиться основательно парню лет под двадцать было уже несколько поздновато по нынешним понятиям, но в старину было не так. Тогда садились за букварь и позднее, лишь бы нашелся хороший для того „мастер" или учитель, а в Севске хороших грамотеев отыскать было трудно. Учёных монахов и попов там не повелось, да и вообще жили там больше ратные люди, приноровившиеся больше к пушкам да пищалям. Торговые же люди о книгах не думали, так что между ними Демьян Григорьевич считался даже мудрецом и чуть ли не чернокнижником.

— Смотри, Никита, ты в Москве-то не забалуешься,— говорил однажды в пути дядя племяннику. — Москва ведь не наш Севск, соблазна разного там много найдется.

— С чего, крёстный, баловаться я стану. Не держу я и в мыслях — возразил племянник,

— Не ровен час.... Знаю, что ты больше всего о книжном учении помышляешь. Не случится тебе торговое дело, так садись за книгу, я тебе в том перечить не буду.... Статья может, как божественному поднаучишься, так потом не только в соборные протопопы, но и в архиереи попадешь, — добавил он с легкой усмешкой.

При этих словах дяди по открытому и честному лицу молодого человека промелькнуло выражение неудовольствия.

— Не хочу я, крёстный, ни в протопопы, ни в архиереи — заговорил он как бы с оттенком досады.

Старик с удовольствием, а вместе с тем и приветливо взглянул на племянника.

— Испытать хотел я тебя, Никита.... заговорил неровным, несколько дрожащим голосом старик. — Коли уж ты так со мной говоришь, то я перед тобой таиться не стану.... Знаю, что в писании сказано: „не осуди да не осужден будеши“ — и я теперь говорю не в суд и не осуждение, а только в рассуд.... И в правду, попы и чернецы сошли с пути праведного; забыли люди духовного чина о пастве, которую препоручил им Господь. Оттого и пошли в нашей христианской церкви и неустроения и мятежи разные.... Церковь наша распалась.... Да что го-

ворить теперь о том; в Москве обо всем узнаем и все сами увидим.... А прилежание твое к книжному учению я похваляю: — умудренный им человек ко всякому делу бывает пригоден, не то, что простец... Эй, подстегни-ко гнедко, а то мы с тобой закалялись, а он уж больно заленился — прибавил дядя, желая замять начатый разговор.

Затем Демьян Григорьевич завалился в глубь кибитки на положенный там подушки и, надвинув на лицо шапку, стал раздумывать о тех вопросах, которые давно уже смущали его как человека набожного и благочестивого.

Гул московского раскола разносился уже по всей земле русской и сильно затрагивал помыслы людей, желавших остаться верными древле-православной церкви. Начавшиеся против них гонения вызывали в сторонниках их ропот против патриаршей церкви и против царского правительства. Люди, у которых не было никаких твердых убеждений кидались с чужих слов то в ту, то в другую сторону, не зная чего держаться. Старик Антуфьев ясно сознавал все тогдашние непорядки, но не решался перейти на какую либо сторону без глубокого убеждения в правоте одной или другой стороны. Главным образом он собрался съездить в Москву с той

целью, чтобы успокоить свою встревоженную совесть и из разговоров с разумными людьми узнать на чьей стороне правда. Хотел он также поклониться московским чудотворцам и думал, если Господь допустит, то побывать и на Валааме *), и в Соловках **), и в других обителях древнего благочестия и посмотреть, что там делается и услышать, что говорится о событиях церковных.

III.

Когда дядя и племянник въехали на Поклонную гору, лежавшую по тульской дороге, они увидели оттуда Москву и стали креститься.

— Эх ведь, как широко она раскинулась! — проговорил покачивая головой Демьян — кажись и пределов ей нет.

— Точно что велика... куда наш Севск! —

*) Валаам — группа из 43-х островов на Ладожском озере. На главном острове находится знаменитый Валаамский — Преображенский монастырь. Основан в V веке преподобным Сергием и Германом, мощи которого покоятся там и теперь.

***) Соловки — Соловецкий монастырь в Архангельской губ. на Соловецком острове в Белом море. До сих пор туда стекается до 8000 богомольцев ежегодно.

Перед нею он — простая деревня, да и только. Глядь-ко сюда, — сказал Никита, дергая дядю за рукав, — церквей-то и башен-то гибель... а домов-то, домов-то!...

— В перемежку с садами, огородами и пустырями — говорил старик, приглядываясь к Москве. А вон там в стороне, особнячком стоит какая-то слобода: церквей в ней вовсе не видно, за то вся она в зелени, да, кажись, там и постройки будут поважнее, чем по другим концам города...

Полюбовавшись с высоты горы Москвою, Антуфьевы стали потихоньку спускаться с крутизны.

День их приезда в Москву был праздничный и еще издалека доносился до них со стороны города громкий несмолкаемый церковный благовест, казавшийся каким-то необычным гулом. В Москве тогда считалось до 5,000 колоколов, а охотников звонить на колокольных являлось множество, так как каждый москвич видел в этом богоугодное дело и поэтому в звонарях недостатка не было.

У городской заставы опять остановили кибитку дозорщики и хотя Антуфьевы ехали налегке, но все их мешки, узлы и торбы и даже положенное в телегу сено было перевернуто и осмотрено, чтобы убедиться не везут ли

они „запретных“ или не явленных товаров. Хотя ни тех, ни других в поклаже не оказалось, все же старику пришлось дать алтын дозорщикам, после чего им отодвинули рогатку и Антуфьевы, сняв шапки и трижды перекрестившись на выдававшуюся надо всем городом главу Ивана Великого, въехали в ворота, устроенный в земляном валу, окружавшем тогда всю Москву.

В ту пору Москва была уже обширным городом, но больших и высоких домов в ней еще было мало, так что кремлевские храмы и башни высились надо всем городом и казалось, будто уходили в летнее безоблачное небо.

Дивясь обширности Москвы, ни дядя, ни племянник не знали как она постепенно разрасталась. Им не было известно, что еще великий князь Дмитрий Иванович Донской, вместо деревянных сгоревших стен, окружавших первоначально кремль, построил вокруг него каменную с бойницами и башнями стену. Слыхивал, правда, старший Антуфьев о набегах татар на Москву в былое время, но не знал, что при таких страшных нашествиях жители посада (местности, окружавшей кремль) спешили спасаться со своим скарбом за кремлевскими стенами, а дома в посаде зажигали разом в нескольких местах по ветру, чтобы

видно; здесь жили небогатые торговые люди ремесленники и наконец бедняки. В Земляном Городе не было также каменных храмов, а попадались только маленькие, деревянные, преземистые церкви. Улицы были узки и извилисты с колеями и рытвинами, нередко поросшими травой. О мостовых и помину не было, так что летом в сухое время ветер поднимал и гонял по ним клубы пыли; осенью стояла невылазная грязь, а зимою их заносили снежные сугробы. По большей части улицы здесь были пустынные и оживлялись только по праздничным дням, когда народ шел в церковь и отдыхал от своих повседневных трудов.

VI.

аехавшие в Москву севчане принялись отыскивать своих земляков, что в Москве было дело нелегкое, так как далеко не все улицы даже и в Китае-Городе, а не то что в Земляном, — не имели названий и приходилось отыскивать чье-либо жилье по урочищам и приходам, которых было не мало. Исколесив попусту добрый десяток верст,

Демьян и Никита добрались наконец до той околицы, где, как слышно, несколько лет назад жил один его старый приятель и земляк.

Завидев на улице редкого прохожего, то дядя, то племянник окликали их опросами: „а не знаешь ли, где живет Викула Андреев, по прозванию Тябота?“

На такие опросы давался отрицательный ответ; „не знаю“ с добавкой иной раз: „и не слыхивал о таком“.

При повороте в одну улицу, Антуфьевы увидели, стоявшую кучку народа: тут были и мужчины и женщины, и мальчики и девочки. Шли толки о вчерашнем пожаре на Арбате.

Антуфьевы подъехали к этой кучке.

— А что, православные,— спросил старик, привставая в кибитке и снимая шапку, — не известно ли вам, где живет в этих местах Викула Андреев Тябота?...

— Викула Андреев Тябота? — переспросили разом несколько голосов.

— Он самый и есть, — отвечал старик.

— А пошто он тебе нужен? — запросили из толпы тоже несколько голосов разом.

— Повидаться бы с ним...

— Так поезжай, дедушка, на погост! шутиливо крикнул из толпы какой-то парень, — забирай отсюда влево, а там ступай прямо! продолжал он, показывая рукой.

— Чего зубоскалишь-то,—сердито проговорила старая баба и, оттолкнув парня локтем, стала на его место сбоку кибитки Антуфьевых. Помер Викула Андреев... помер!.. Вечная память покойничку... Царство ему небесное! — плаксиво заговорила баба и принялась креститься.

Старик тоже перекрестился.

— Шестой или седьмой годочек пошел .. Да и отец Пахомий, что его хоронил — тоже позапрошлым летом в могилку лег... Что будешь делать!.. На то воля Божья!..

— А кто же у него в доме остался?—спросил Демьян Григорьевич.

— Как кто? — а сынка-то его, Андрюшку, нешто не знаешь?

— Знавал я его еще махоньким, тому лет больше тридцати будет — ответил Антуфьев. — „В Севск с отцом наезжал“.

— „Ну, так теперь его не спознаешь,—заметила баба.

— „Зашибает уж больно крепко, — вмешался мещанин средних лет. — Почитай, что пьет без просыпу“.

— Еще бы не пить ему — затараторила баба, — нешто он в супружестве счастлив? Взял вторую жену совсем не по себе. Молодая, а он человек немолодой... Житья-то

ему, горемычному, от неё нет!... Вечно на него волчицей смотрит!...

— „Полно тебе, тетка, оговаривать Анфису Семеновну!“— прикрикнул на старуху тот парень, которого она перед этим столкнула с места.

— Чего оговаривать! Нешто не правда?...

Между парнем и бабой завязался спор, начавший переходить во взаимную перебранку.

— „Постой, дедушка! Я тебя провожу к Андрею Викулычу“ — вызвался какой то мальчику которому страх как захотелось прокатиться и он быстро вскочил на край кибитки. С таким провожатым отправился Демьян Григорьевич к Андрею Тяботе.

Антуфьевы подъехали к бревенчатому дому с тесовыми воротами, который не отличался затейливой постройкой, но по внешнему виду можно было заключить, что если хозяин не из богатых, то все же не из бедных жителей Земляного Города.

Ворота дома были заперты наглухо. Никита вылез из повозки и начал колотить в них кнутовищем, но, видя безуспешность такого приема, принялся стучать в ворота кулаками все сильнее и сильнее и, наконец, во дворе раздался лай собаки, а вскоре после того, послышался ворчаливый говор, приближавшегося к воротам мужчины. Видно было, что

неожиданное появление неизвестных людей было не совсем приятно обитателям этого дома.

Действительно, Андрей Тябота, возвратившись от обедни, плотно пообедав и выпив в добавок изрядно, по русскому обычаю, завалился спать, когда стук в ворота разбудил его.

Заслышав этот стук, Андрей словно испугался; он подумал не пришел ли пристав, десятский, ярыжка или какой-нибудь надсморщик. Мало ли у торгового человека всяких дел может быть: в иную пору и не ждешь, откуда беда на голову свалится—размышлял он, и ворча с неохотою стал спускаться по узенькой и крутой лестнице, пристроенной к надворной стене.

За Андреем побежала и его собака, Пеганка, добрая и ласковая, привыкшая к чужим людям, так как обыкновенно сопровождала своего хозяина в лавку и там смиренно лежала под стойкой, не только не кидаясь, но даже не лая ни на кого.

На этот раз Пеганка бежала перед Андреем с громким лаем и быстро кинулась в подворотню.

— Кто там?—не отворяя еще ворот, окликнул Андрей.

— Торговый человек из Севска, Демьян

Григорьев Антуфьев, со своим племянником Никитою — отвечал Демьян.

— Таких не знаю, слыхивал что-то о них — отозвался за воротами грубый и отрывистый голос.

— Старый знакомец и приятель твоего отца, Викулы Андреевича, с грамоткой к нему от Василия Дмитрича Пересохова, тоже из Севска.

На это заявление не последовало никакого ответа, но послышался скрип отодвигаемого засова.

Подозрительность и предварительные опросы проходящих людей были тогда в привычке у всех русских и в особенности у москвичей, так как в Москве водилось много разного рода „лихих людей“. Боялись тогда не только воров и разбойников, но и каждого неизвестного человека, опасаясь, чтобы он не пришел в дом с каким-нибудь злым намерением. „Слово и Дело“ было в ту пору в большом ходу и какой-нибудь лиходей мог легко оговорить хозяина или даже подбросить что-нибудь в дом, а потом подать донос на неповинного ни в чем хозяина или кого-нибудь из домовладельцев. Делалось это не всегда по злобе, но иной раз из желания затянуть свое дело, когда начнут его разбирать в сыском приказе. Иной раз таких оговорщиков подсылали сами приказные люди, особенно к зажиточным купцам, рассчиты-

вая, что если так или иначе привлекут их к делу, то приказные поживутся за их счет.

Убедившись из слов Демьяна Григорьевича, что Бог послал добрых гостей, Тябота широко растворил ворота и Никита въехал с кибиткой во двор.

Между тем Пеганка не унималась, а с каким-то озлоблением кидалась на Никиту, и, когда хозяин отгонял ее, она, отбегая, ворчала и опять принималась лаять.

— Родитель твой преставился, — печально проговорил Демьян Григорьевич, целуясь с хозяином со щеки на щеку. — Ты, чай, крепко о нем кручинился?...

— На то, знать, была воля Божья — равнодушно ответил Андрей; — будет с него, вдоволь на свете пожил — добавил он, махнув насмешливо рукой.

Андрей с первого раза не полюбился Демьяну за эти слова. Впрочем и вся наружность его едва ли могла расположить к себе кого-нибудь. Сонный, с опухшим лицом, взъерошенными волосами, с растрепанной бородой и мутными глазами он был крайне не привлекателен.

Хозяин и старик стали молча подниматься по лестнице. Никита же остался при кибитке.

— А ты, молодец, что же во дворе стоишь?... Пойди к нам — выпьем на первое

знакомство вместе, — крикнул ему с крыльца Андрей.

— Он у меня еще ничего хмельного не пьет, — проговорил, нахмурившись, Демьян Григорьевичу, а за почет ему от тебя — спасибо. Эй Никита, задай Гнедку овса, а сам ступай сюда, на хозяйский зов, и благодари хозяина на его приветливом слове.

Никита снял шапку и, исполнив приказание дяди, последовал за ними.

Горница, в которую они вошли, не представляла ничего особенного. Через темные сени, а затем через одностворчатую дверь с низкой притолкой и высоким порогом, вошел Демьян Григорьевич в комнату с большой перекладиной, шедшей по середине досчатого потолка. Стены этой небольшой и низенькой комнаты были обиты гладко выструганными, проконопаченными досками, а по трем их сторонам были широкие деревянные лавки, над которыми шли полки с поставленною на них разной домашнею утварью.

В „красном углу“ под образами с теплившеюся перед ними лампадкою, стоял большой некрашенный стол, а подле стола узкая длинная скамейка. Сквозь маленькие окошечки тускло пробился дневной свет и вся горенка выглядела не весело.

Как почетного гостя, Тябота пригласил

старика Антуфьева сесть под образа, а Никита остался у двери и стоял, прислонившись к косяку, так как по стародавним нашим обычаям даже в гостях младший родственник в присутствии старшего не мог сесть до тех пор, пока хозяин не предложит этого, испросив предварительно на то согласия старшего.

Немного поодаль от гостя сел хозяин. Наружность Антуфьева, не говоря уже о разности лет, представляла полную противоположность Андрею. Умное и вместе с тем приветливое лицо старика отличалось спокойствием. Его седая и гладкая борода расходилась книзу двумя клиньями, а густые серебристо-седые волосы, сохранившие еще остатки прежних молодых кудрей, придавали Демьяну Григорьевичу почтенный вид. Небольшие серые, но ясные глаза смотрели ласково, а морщины перерезавшие его высокий лоб свидетельствовали о том, что на своем веку он размышлял не мало.

— Как же быть с грамоткой-то Пересохова к твоему родителю? Нешто тебе отдать или разодрать?..

— Как быть с грамоткой?.. Ведь не посылать же ее к нему на тот свет, да он ее и прочесть-то не сумеет — здесь-то и то еле по азам читал — ухмыляясь острил Андрей.

— Не гоже, Андрей Викулыч, выговаривать праздные слова о своих родителях, тем паче, если души их отошли к Господу Богу,— сердито заметил старик Антуфьев.

Тябота хотел было что-то заговорить, но Демьян Григорьевич так внушительно посмотрел на него, так что неотрезвившийся еще балагурь замялся и перевел свою речь на другой предмета.

— А дозвожь мне, как бишь тебя величать, забыл твое отечество.... Дементий?..

— Демьян Григорьевич, отрывисто перебил Антуфьев.

— Да, Демьян Григорьевич, дозвожь мне привести к тебе мою хозяйку, — сказал вставая Андрей.

— Благодарствую за почет; хозяйке воздавать почтение должно. Она домоправительница, пособница и утешительница мужа.

— А все-таки бабу держать в строгости надо.. Я свою супружницу так и держу.... и она ни одного поперечного слова сказать мне не посмеет, — хвастался Андрей.

— Конечно, нужно держать жену в страхе—сему и апостол Павел поучает; но не годится печалить и обижать ее без толку,— заметил Демьян.

Андрей нахмурился и раздражительно почесал затылок.

— А как звать-то твою супружницу?— спросил Демьян Григорьевич.

— Зовут ее Анфисой, а по отцу Семеновна... Да ты ее, так не величай.... Кличь ее просто Анфисой. ... А ты, чтож не присядешь? Чай у тебя уж и ноженьки одервенели — сказал он стоявшему все на том же месте Никите и затем, как бы спохватившись, добавил, обращаясь к дяде.

— Демьян Григорьевич, молодцу присесть позволишь?...

— Садись, Никита, коль хозяин кажет, и поблагодарствуй ему за почет, — сказал дядя.

Поклонившись хозяину, Никита сел около стола на скамейку, а Андрей пошел распорядиться о приходе своей жены.

Возвратившись в избу, Андрей сел на свое прежнее место и спустя немного времени вошла хозяйка, одетая по праздничному, держа в руках поднос с чаркою вина.

Взглянув на эту молодую женщину, не трудно было убедиться, что молва, ходившая о её красоте, была справедлива.

Анфиса была высока и стройна. Следуя тогдашнему обычаю, она была нарумянена, а брови и ресницы подсурмлены; но эти прикрасы не нужны были Анфисе и она была бы еще привлекательнее, когда бы могла обходиться без них. Естественная белизна её лица и

выступавший на нем нежный румянец были совсем некстати замазаны грубыми московскими притираниями.

На Анфисе был надет сарафан из голубого албатаса, обшитый широким серебряным „узорчатым“, иначе говоря, позументом. На голове была голубая бархатная кика, шитая серебром и густо унизанная жемчугом, хотя не крупным и не отборным. Серебряный с такими же длинными подвесками серьги были вдеты в её маленькие уши, над которыми выбивались из-под кики густые темно-русые волосы.

При входе хозяйки, Андрей, покрюкивая, с заметным умилением, приподнялся с лавки и хотел, следуя обычаю, поклониться гостю в ноги, но, оступившись, упал и, обессиленный излишне выпитым вином, не мог приподняться иначе, как при помощи Демьяна и его племянника. Кое-как поднявшись, он пробормотал что-то несвязное, и вместо обращаемой в таких случаях к гостю просьбе поцеловать хозяйку, сам полез целовать жену. По лицу Анфисы разлился густой румянец, она быстро отвернулась в сторону и при этом неловком движении из задрожавших рук её выпал поднос и чарка.

Андрей с сердцем дернул жену за рукав, так что все складки рукава моментально

распустились и короткий в мелких складочках рукав вытянулся на несколько аршин.

— Вишь, ведь, какая!.... Хорошего гостя принять не умеет!... — грозно крикнул Андрей на жену, у которой из глаз выступали едва сдерживаемый слезы.

— Супружница твоя молода и больно робка, а это молодухе в укор не ставится. Да и вино пролить не то, что соль просыпать: пролить вино — хорошая, а не дурная примета,— уговаривал Андрея Демьян Григорьевич.

— Молода и робка, — передразнивал его Андрей, рассказывай!... Просто на твоего молодца загляделась!.... Да и ты что на нее глаза-то свои таращишь! — вскинулся он на Никиту.

Растерявшийся Никита не знал, что ему отвечать и, покраснев, только усиленно моргал глазами.

Демьян попытался было утишить расходившегося хозяина, но такая попытка была напрасна.

— Я всех разнесу! — кричал он. Вон отселе!....

Анфиса быстро поклонилась гостям и поспешила уйти из горницы, а Андрей не твердый на ногах, покачнулся и, свалившись на лавку, заснул богатырским сном.

— Пойдем скорее отсюда, — шепнул дядя

племяннику и они, захватив шапки, поспешили уйти от неприятного хозяина,

ГЛАВА V.

Над Москвой забрезжило чудное летнее утро. Вставало солнце и весело освещало пробуждавшийся город. Ярко заблестели кресты и маковки многочисленных московских церквей. Стал раздаваться то здесь, то там, благовест к заутрени, но теперь звон колоколов был уже не так громок и не так непрерывен, как вчера, потому что день был будничным и звонили не во все. Ночные дозорщики отодвинули рогатки, которые в ту пору расставлялись на ночь по главным улицам, примыкавшим к Кремлю, Богомольные люди потянулись к церквам, торговцы в ряды или лавки. Прошел по улицам с громким барабанным боем отряд стрельцов в красных кафтанах с пищалями на плече, возвращавшихся в свою слободу с ночного караула, который они содержали в Кремле при царских хоромах.

Отворялись проворными целовальниками царские кружала, куда спозаранка любил соби-

ратся толпами и рабочий, и праздный люд. В харчевнях и съестных лавках принимались застряпню разной неприхотливой пищи.

В эту раннюю пору вышел на улицу и Никита.

Выбравшись вчера тайком от Тяботы, Демьян Григорьевич отыскал вблизи дома Андрея постоялый двор и вместе с племянником расположился там до приискания подходящего для себя жилья.

Из Земляного Города Никита перешел в Белый Город и здесь на своем пути начал встречать много такого, чего не видал прежде. Хотя и в этой местности Москвы узкие и кривые улицы состояли большею частью из брусьяных хоромин, но здесь они все чаще перемежались с более затейливыми строениями, из которых иные были похожи на тогдашние боярские усадьбы, построенные в деревнях. Из-за высоких заборов поднимались нередко крылатые мельницы и пустые верхушки высоких деревьев ясени, дуба и клена. Густая зелень садов и рощ окружала деревянные хоромы. Около таких хором были расположены разные хозяйственные постройки — людские, амбары, бани, сараи, конюшни, погреба и скотные дворы. На многих таких хоромках виднелись небольшие деревянные или железные кресты, означавшие, что здесь была

домовая церковь. Такие церкви устраивал в своей городской усадьбе каждый чиновный человек.

— Видно здесь бояре живут, — подумал Никита и обратился с расспросами к, проходившему мимо него, молодцу мещанину.

Оказалось, что догадка Никиты была верна. Мещанин рассказал ему, что Государь пожаловал боярам много пустопорожней земли в Белом Городе; что на этой земле они построили себе хоромы и усадьбы и теперь живут в полном приволье, словно не в Государевом городе, а у себя в поместьи или вотчине. Мещанин рассказал также, что у бояр в самой Москве есть не только сады, огороды, мельницы и пруды с саженою рыбою, но что иные из них завели даже запашку; что боярам, по милости царя, живется куда как вольготнее, чем им мещанам „государевым сиротам“ и что им больно тесно в Земляном Городе, т. е. земли дают мало.

— Побывай, брат, в стрелецких слободах и посмотри, как живется там стрельцам. Куда как лучше против нашего мещанского житья!.... — добавил с досадой новый знакомец Никиты.

Не без опаски слушал Никита такие „непригожие“ и „вольные“ речи. Ему еще в Севске наговорили, что по Москве ходят

„языки“, которые в кабаках, банях и на рынках прислушиваются к мирской молве, а иногда и сами заводят прелестные речи, вызывая там на задумчивость других людей, а потом вдруг ни с того, ни с сего закричать на них: „Государево слово и дело“; тут попадешь в такую беду, что из неё не скоро, а, быть может, и совсем не выпутаешься. Словно из земли вырастут перед тобой стрельцы, окружат крепко веревками, а не то набьют на ноги и на руки железа, да потащат в сыскной приказ, а там перед боярином, дьяками и приказными — разделяйся как знаешь.» Выйдешь чего доброго из приказа с поломанными ребрами, с исполосованной кнутом спиною, вывихнутыми суставами и другими разными бедами.

Все эти ужасы ярко представились воображению робкого от природы Никиты и он захотел было поотстать от своего спутника, но последний, видно, был из словоохотливых и продолжал толковать сторонившемуся от пего парню, что вот скоро наступят великие смуты, что стрельцы толкуют промеж себя что-то не ладное, что чернь хочет запалить Москву с разных концов, а раскольники помышляют восстать скопом на патриарха и церковь.

— Берегись, молодец! — как-то зловеще

добавил мещанин, — чтобы и над тобой не струсилась в Москве какая-нибудь беда, — и, проговорив это, он быстро повернул в какой-то закоулок.

Припугнутый разговорами и угрожающим прощанием, Никита невесело шел по Белому Городу. Он поглядывал по сторонам и вдруг остановился перед одною церковью, показавшейся ему очень красивой. Она стояла на небольшой, поросшей травой, площадке среди невзрачных бревенчатых хоромин и, казалось, что не тут должно было быть её место, а где-нибудь среди больших каменных палат.

Никита так залюбовался ею, что не заметил, как неожиданно очутился среди толпы каких-то людей пеших и конных, громко кричавших „гис!“ „гис!“. Все проезжавшие и проходившие, при виде их, кидались в сторону и жались к домам, снимая шапки.

Впереди толпы бежали с длинными палками в руках люди, одетые в длиннополые сермяги: у некоторых из них вместо палок были лука. Такие же люди бежали по обеим сторонам ехавших, размахивая палками и крича: „гис!“ т. е. „берегись!“ Люди эти были боярские холопы, обязанные расчищать дорогу для своего господина. За толпой холопов, бежавших впереди, ехали верхами в

однорядках разных цветов, с мурмалками на головах боярские „знакомцы” — т. е. бедные дворяне, служившие во дворах знатных бояр. Они сопровождали всюду своего „милостивца” при его выездах и были как бы его стражей. Сам боярин, в богатой с золотыми нашивками ферязи *) и в высокой горлатной шапке, важно ехал в колымаге, запряженной в шесть коней цугом, сбруя которых была украшена блестящими и звонкими бляхами.

Никита, как и все проходившие по улице, из боязни подвергнуться под палочные удары, поспешил плотно прижаться к стене ближайшего дома и с любопытством рассматривал боярский поезд.

При виде такой обстановки, Никите пришла на ум недавняя болтовня мещанина.

— Вишь, ведь, как живут! — подумал он, — одних-то дармоедов у них сколько!... Да и как народ-то перед собой разгоняют! — и Никита не без чувства досады посмотрел на удалявшийся поезд, поднявший целый столб густей пыли.

Никита двинулся дальше. По пути его обогнало несколько таких поездов и при том еще более многолюдных.

*) Ферязь — древле русская длинная верхняя одежда.

В некоторых поездах проезжали и боярыни, которые летом ездили в колымагах, а зимою в так называемых кантанах или возках, окна которых были закрыты со всех сторон тафтою. Они отправлялись так на богомолье или к царице.

Их также сопровождала толпа холопов, но около них ехали не „знакомцы“, а сенные девушки тоже верхом, но мужски, в кафтанах и высоких золоченных шапках,

Хотел было Никита расспросить кое-что у встречных об этих поездах, но напуганный мещанином, не решался на это. Наконец, отважившись, он обратился с вопросом к попавшемуся ему на встречу попу, шедшему вместе с „матушкой“ т. е. с попадьей — его супругой.

— Скажи, батька, куда едут бояре? — обратился к нему Никита.

— В царскую думу, — сказал поп. Священник выглядывал так приветливо и так ласково, что Никите захотелось еще кое о чем расспросить его, да он не смел.

Видно было, что отец Онуфрий, так звали батюшку, строго соблюдал все постановления недавнего московского собора о внешнем благообразии людей духовного чина. Ряса на нем была не пестрая и не яркая, какие большею частью носили тогда священники, вопреки со-

борного правила. Шапка на голове у него была „смирного“ т. е. черного цвета, а в руках он держал длинный деревянный посох, означавший его священство. Когда он снимал шапку, чтобы перекреститься, то на темных с легкой проседью, густых волосах, заметно выдавалось так называемое „гуменцо“ т. е. выстриженный на темени кружок. Такими „гуменцами“ отличаются ныне только католические священники, а в ту пору, к которой относится наш рассказ, на Руси носили „гуменца“ и православные священники.

— Знать заезжий? — ласково заговорила попадьа с Никитой.

— Заезжий.

— А отколь?

— Из Севска.

Попадья как-то удивленно взглянула на мужа, так как она Севска, по всей вероятности, никогда не слыхивала.

Отец Онуфрий, которому сразу полюбились доброе и открытое лицо молодого человека, разговорившись с ним, спросил зачем он приехал в Москву.

Никита рассказал, что дядя привез его сюда, чтобы пристроить по торговой части, но что такое занятие ему не по душе, а хотелось бы вместо того приняться за книжное ученье.

— Благое дело — ученье, благое дело: — оно

умудряет человека; надлежать сказать, что в науке, как и во всякой премудрости человеческой, пребывает дух Божий... Не вдавайся только в волхование и чернокнижие, а наука сама по себе человека не губит, а скорее сбережет его от всяких заблуждений... Не гнушайся наукой, — наставительно внушал отец Онуфрий.

— Да как же мне начать учиться? Чувствую, что я на мои года еще больно темен и неразумен, ничего-то я не знаю, — печально проговорил Никита.

— Зайди-ка, брат, ко мне, — так я о твоём будущем ученьи на досуге потолкую; авось что-нибудь уладится — перебил поп.

Отец Онуфрий подробно рассказал где он живет и зазвал к себе Никиту на обед в ближайшее воскресенье.

— Заходи, родной, я тебя горячими оладушками с медом попотчую, — приветливо заговорила попадья, — побаловать-то тебя, видно, некому... живешь здесь меж чужих людей... Так приходи же к нам, голубчик, — ласково заключила добрая женщина.

С своей стороны Никита рад был побывать у новых знакомцев тем более, что сразу пришлись они ему по душе,

Расставшись с отцом Онуфрием, Никита, пошел дальше, направляясь к Кремлю. Дви-

жение в Китай-Городе было гораздо более, чем в Белом. Толпа народа, двигавшаяся по улицам, все увеличивалась и когда он вошел на Красную площадь, то перед ним открылось пространство, запруженное народом и особенно поразила его церковь Василия Блаженного своей причудливой постройкой и пестротой красок. Она тогда была снаружи в том же виде, как и теперь, за то вся окружающая ее местность, за исключением кремлевской стены, представляла совершенно иную картину. Так, между прочим, за церковь Василия Блаженного был глубокий ров, в котором жили тогда в несметном числе дикие собаки. Не даром они отыскивали себе такое убежище, так как по соседству со рвом находился рынок на Красной площади, где они могли легко поживиться на счет всяких съестных припасов.

Другую особенностью Красной площади был каменный помост в виде возвышения, который и до ныне носит название „лобного места“.

В то время, когда был Никита на Красной площади, лобное место было пусто, но, по временам в торжественных случаях, при народных смутах и бедствиях, на нем раздавались увещательные речи царей, патриархов и бояр, а также слышались с него чте-

ния дьяками царских указов, и совершались великие казни.

Вокруг лобного места и далее, по всем направлениям площади, шел деятельный торг, который в последствии переведен был к Сухаревой башне. Здесь стояли шалаши и лавченки, были расставлены на земле лари, короба и лотки, а также шла продажа с рук.

Никита, очутившись в такой разнообразной толпе, не знал, что ему слушать и на что смотреть. Он не успел опомниться, как его окружили торговцы и торговки; кругом раздавался крик, визги и брань. Он был не только оглушен, но просто ошеломлен этим неумолчным криком и шумом, среди которого иногда над самым его ухом раздавались особенно резкие выкрикивания баб. Но все это было ничто в сравнении с тем, что пришлось ему испытать, попав в шапочный ряд; не даром называвшийся „разрывным“, так как там в буквальном смысле слова рвали покупателей на части.

Едва вступил Никита под навес этого ряда, как почувствовал, что дальше идти не может. За полы его однорядки ухватились сразу несколько дюжин молодцов и мальчишек, а один из торговцев мигом сдернул с него шапку и побежал в лавку, чтобы отыскать по ней подходящую новую. Несколь-

ко человек подхватили его под руки и каждый тянул к себе, один же из торговцев поднял его ногу и, держа крепко обеими руками, поволок Никиту в свою лавку. Напрасно он отмаливался от услужливых торговцев — они не выпускали его и теребили до тех пор пока один из стариков, увидев, что Никита выбился совсем из сил, не крикнул:

— Эй, Михеич, вороти парню шапку! Ничего не купить, что рвать его попусту!

При этих словах несколько торговцев принялись надевать на Никиту шапку и нахлобучили ее на самые глаза.

— Другой раз носи ее, брат, покрепче, — крикнул весело один из молодцов, хватив Никиту со всего размаху громадною ладонью по голове. Раздался общий хохот, посыпались остроты и Никита, еле дыша, выбрался из „разрывного ряда“.

Случай этот не отбил однако у него охоты побродить еще по торговым рядам и он, после нескольких переходов по разным загоулкам, попал в „стригольный“ ряд, где „стригольники“ производили стрижку волос прямо на улице.

— Эй, паренек, не купишь ли у меня „Триодь Цветную“? *) — окликнул чей-то го-

*) Триодь Цветная. — Триодь — собрание трехпесенных канонов, Триодь Цветная — службы от Пасхи до недели всех святых.

лос Никиту при выходе его из Стригольного ряда.— Книга хорошая, не дорогая и не рваная, со всеми листами. Ты, кажись, должен быть грамотным...

Никита обернулся в сторону, где слышался голос и увидел за ларем, на котором было разложено множество книг в кожаных переплетах с медными застежками, не старого еще и чрезвычайно благообразного торговца.

— Денег при себе нет,—сказал Никита.

— И хорошо делаешь, что не берешь с собой мошны, когда в народе ходишь. Долго ли до греха—сейчас вытащат... Да уже тебе полу-то пооторвали... Верно в разрывной ряд попал?.. Да вот и рукав тоже надрали... Книги мои потом посмотришь, а давай-ка, я тебе примечу полу и рукав, а то в людях так ходить не годится — осудят, — и ласковый книжник, достав спешно иголку с ниткой, стал, не дожидаясь ответа Никиты, исправлять порчу в его однорядке.

— Кто что там не говори, а царя Василия Ивановича из благоверных князей Шуйских следует нам, московским людям добром помянуть.— Вечная ему память! — Немного и смутно поцарствовал он: крамолой его с престола согнали... а к книжному делу он великую ревность оказал. Он сам читал книги так усердно, что уже слепнуть стал. Ведь

это его царское величество велел завести новую „штамбу" т. е. печатных книг дело и для того новый превеликий дом устроил, — рассказывал портной-книжник, ловко действуя иглой.

VI.

Едва Родион Матвеевич, так звали книгопродавца, окончил свою добровольную работу, и Никита стал благодарить за труд, как к ларю подошел медленной и важной поступью какой-то парень.

Несмотря на то, что подошедший был еще очень молод, с едва пробивавшеюся бородкой, Родион Матвеевич снял перед ним шапку и принял его с таким уважением, какое оказывали тогда только старым людям. Этот молодой человек по одежде своей номинал монастырского послушника, но когда в ответ на поклон, он снял шапку, то за служку его принять было нельзя, так как надо лбом волосы были не только без пробора, как носили тогда все духовные и миряне, но даже плотно острижены и лишь с

висков спускались по обеим сторонам длинные пряди волос.

Никита с недоумением посмотрел на такую странную прическу.

— А что Родион Матвеевич,— заговорил парень с расстановкой, — не прибыло ли к тебе каких новых книг?

— Какой печати тебе будет надобно? Славянской?...

— По мне все одинаково, — возьму и славянской, а любительнее было бы печати греческой или латинской.

Дело шло о книгах и любознательный Никита наострил уши.

— Вон в том коробе, что слева будет, найдешь всякие книги, — сказал Родион Матвеевич, показывая рукой на большой, сделанный из дуба кош.

— Любил я — продолжал он, обращаясь к Никите — портняжничество... Промысел то сам по себе прибыточный... Ведь я однорядку тебе починил с большою радостью! А из-за книг и портняжничество бросил. — Лавок-то с книгами у нас в Москве не много будет: десяток насчитаешь, да и довольно, а кабаков то видимо-невидимо!..

— Хорошие у тебя книги, Родион Матвеевич, отозвался молодой человек, роясь в коробе.

— „Студиозус"! — подмигивая на него, сказал Никите Родион Матвеевич,

Никита вопросительно взглянул и на торговца, и на молодого человека, не понимая, очевидно, что значило сказанное слово.

„Студиозус", — повторил Родион Матвеевич, видя, что Никита не может в толк взять это мудреное слово — это слово латинское и по нашему значит оно: „ученик". Протопопский он сын из Углича, по прозванию Добротворяев, и учится он в славяно-греко-латинской академии, что находится в Заиконоспасском монастыре. Отсель не далече будет...

Не без чувства зависти смотрел Никита на безбородого ученого.

— Книжицы есть у тебя хорошие, — заговорил Добротворяев, бережно складывая книжки в короб. — Надо их посмотреть с великим тщанием... Скажу о них господам Лихудиям — пускай они их пересмотрят.

— Вот попроси Никанора Максимовича книги тебе выбрать, — сказал Родион Матвеевич, знакомя молодых людей.

— Куда выбирать мне книги! Одну разве куплю, да и той надолго мне станет — уныло проговорил Никита.

— А нешто грамота тебе не дается? спросил Добротворяев.

— Да как ей даваться, когда меня мало учили, почитай, совсем не учили?

— А отколь будешь?

— Из Севска.

— Ну, какая в Севске ученость! Чай её там поменьше будет, чем у нас в Угличе. Москва — так это совсем иная статья, особенно теперь. Найдешь в ней людей преученных; жаль только, что ученые пока не наши — русские, а все или греки, или черкасы или люди зашлые из Белой Руси: русские — не русские, поляки — не поляки. Да Бог даст скоро и у нас в Москве ученые люди явятся... А охота учиться у тебя большая? — как-то покровительственно спросил Никиту студизус.

— Какая еще! Да что поделаешь, коли не знаешь куда с ней сунуться?

— Так ступай к нам в академию; в „ифиму“, пожалуй, и возьмут.... Розог только не боишься ли?

— А что?

— Да будешь, брат, лениться или от рук отбиваться, так такую порку стянут задавать, что ой—ой! У нас куда как строго... Отец ректор спуска не дает никому.

— Ну, Господь как-нибудь бедой обнесет, — робко проговорил Никита. — Учиться буду прилежно, а баловать не стану.

Молодые люди разговорились и оказалось, что им лежала одна дорога, так как студиозус шел в Кремль к своему родственнику, состоявшему там дьяконом при одном из соборов.

Когда они переходили Красную площадь, то на этом пути к ним стали приставать какие-то полупьяные люди с распухшими лицами, синими носами и осовелыми глазами. Одни из них были в однорядках, другие—в изношенных ферзях, третьи—в охабнях, а четвертые в простых мужицких кафтанах. У каждого из них был в руке сверток бумаги, перо за ухом, а на шее болталась привязанная на веревке или ремне чернильница. Некоторые из них сидели на чурбанах перед маленькими столиками, другие —высматривали: куда бы им поудобнее приткнуться.— Это были „площадные“ подъячие, писавшие тут же на площади челобитные, явки, жалобы и разные другие бумаги.

Около подъячих стоял шум и гам; иные из них, отбивая друг у друга заказчиков, не только ругались, но и дрались между собою на потеху народа, который подзадоривал их и иной делец выходил из такого рукопашного боя сильно помятый своим соперником.

У Спасских, или по прежнему у Фроловских ворот народ сперся в такую плот-

ную толпу, что нельзя было пробираться дальше и Никите с Добротворяевым приходилось не мало ждать, пока передние не пройдут через ворота под напором задних,

— Эко народу-то тут сколько!— проговорил Никита.

— Еще бы не быть. Через Фроловские ворота в эту пору тысяч пятнадцать, а не то и двадцать пройдет,—отвечал Никанор.

— Видно на поклонение московским угодникам?

— И за тем ходят, да—немного.. Почитай, что все почти, идут в приказы,—кто зачем,—а приказные волокут дела с умыслом, чтобы им более посулов было и более взяток давали...

Действительно, около приказов, которые находились тогда за кремлевскими стенами и помещались частью в деревянных домах и даже простых избах, стояли густые толпы народа. Особенно много было около „Холопъего“ приказа. Здесь же было много закованных в железа беглых холопов. Дьяки беспрестанно выходили на крыльцо и то читали приговоры, то вызывали кого либо из толпы, окруженной стрельцами. На улице перед этим приказом стояла врытая в землю деревянная кобыла; к ней притягивали ремнями тех, которых били

кнутом. Около этого приказа стояли вопли и стоны.

Кроме простого народа, наполнявшего Кремль, там было много служилых людей и в особенности стрельцов, содержавших караул при воротах, приказах, башнях и при царском дворце. В некотором отдалении от дворца стояли несколько раззолоченных, расписанных разноцветными красками или обитых сукном — колымаг, в которых приехали к царице её дневальные боярыни. В дни именин царицы и царевен Кремль бывало, запружен такими колымагами, потому что тогда приезжали во дворец все боярыни для поднесения государыне или её дочерям именинных калачей.

Около колымаг Никита увидел и те боярские поезда, которые обгоняли его по дороге. Здесь стремянные держали под уздцы лошадей, на которых приезжали бояре, неимевшие права, как и все впрочем, въезжать на царский двор ни в колымагах, ни в санях, ни верхом. Около коней, в ожидании выхода бояр из дворца, стояли — а также сидели или лежали на земле — „знакомцы“, привязав своих верховых лошадей к стоявшим тут коновязям.

Студиозус рассказывал Никите о выдающихся событиях, происходивших в Кремлев-

ских стенах и расставаясь с ним спросил:

— А ведь знакомые у тебя в Москве найдутся?

— Пока еще нет, а вот зазывал меня к себе отец Онуфрий из Сретенского прихода.

— Отец Онуфрий?! ну так мы с тобой там увидимся. Он мне дядею приходится... Сходи к нему, — он человек ласковый и добрый и знакомство с ним тебе будет пригод-но, — сказал Добротворяев.

VII.

В назначенное воскресенье Никита отпра-вился к отцу Онуфрию. Он хотел, не только воспользоваться ласковым приглаше-нием его и попады, но надеялся увидеть До-бротворяева, с которым намеревался погово-рить о своем будущем ученьи.

Отец Онуфрий, по прозванию Безпоконный, жил не богато, но домовито. Семья у него была небольшая; только дочь, бывшая уже в замужестве, да двенадцатилетний сын, кото-рого он обучал с большим тщанием, на-деясь сделать его со временем преемником своего пастырского служения.

Отстояв у Сретеня обедню, Никита отпра-

вился к отцу Онуфрию. В ожидании званого гостя, попадья напекла оладий и приготовила разных сластей. Студиозус также явился к дяде, а к обеду пришли и другие гости.

Покончив с обедом, за которым шла беседа о Москве и Севске, Отец Онуфрий обратился к Никите:

— Вот теперь племянник мой расскажет тебе об академии, а ты послушай и пораскинь умом: пригоже ли тебе вступить туда и не примешь ли ты на себя бремя, которое может стать тебе не под силу?

Добротворяев был по природе парень добрый и скромный, но на нем лег уже заметный отпечаток тогдашнего обучения и сознание того, что он несмотря на свои молодые еще годы, знает гораздо более, чем многие седобородые старцы, вызывало в нем некоторое горделивое чувство, которое при случае он не прочь был проявить. Однако теперь, когда ему приходилось говорить в присутствии дяди, направившего на него свой проницательный и умный взгляд, он заметно смутился, начал откашливаться и никак не мог собраться с силами.

— Да ты не робей, сказывай все по порядку,— ободрял отец Онуфрий.

— „Крамы" наук, к коих семена... семена... наук... Крамы.. семена коих...

повторял на разные лады смешавшийся студиозус и язык его стал заплетаться.

— Навыка нет у нас говорить на людях, — заметил отец Онуфрий. — Правда, если станут говорить о пустяковинах, то мелют языком, как жерновами на мельнице. Но ты не слушайся. — Ведь ты не какие-нибудь непригожие, а толковые речи рассказывать собираешься, — сказал одобрительно дядя.

Никанор попытался еще раз рассказать последовательно об академии, но из слов его выходила та же самая бессвязная путаница и он растерялся окончательно.

— Сплошно, дядя Онуфрий, говорить мне не вмоготу, а ты спрашивай меня — так я отвечать буду, — откашливаясь снова не без уверенности сказал студиозус.

— Так что же такое будет ваша заиконоспасская, славяно-греко-латинская академия? — спросил отец Онуфрий.

Вопрос, предложенный дядей, напомнил молодому человеку тот учительский прием, к которому он уже привык и, облегченный этим приемом, студиозус без запинки ровным и непрерывающимся голосом стал в витиеватых словах излагать следующее:

— Царь Феодор Алексеевич, вступив на престол юношею, подобно Соломону, ни о чем не хотел так заботиться, как о мудрости —

царских должностей родительнице и всяких благ изобретательнице и совершительнице. Он пожелал устроить в Заиконоспасском монастыре „Крамы" чином академии и в оных семена мудрости, т. е. науки гражданские и духовные, начиная от грамматики, пиитики, риторики, диалектики и философии разумительной, естественной и правной, даже до богословия,—учащей вещи божественной и совести очищения,—установить; при том же и учению правосудия духовного и мирского и прочим всем свободным наукам — ими же целость академии, сиречь — училищ составляется...

Все это студиозус выговорил, или вернее сказать, прочитал на память, не переводя духа. Никита внимательно слушал, но ничего не понял. Отец Онуфрий попытался кое-что пояснить Никите, но и это ему мало помогло.

— Царь Феодор Алексеевич благое дело совершил учреждением академии, а то куда как дивно и непристойно было, что в царствующем граде Москве ни одного училища не было — сказал отец Василий — один из гостей Безпокосного.

— Ошибаешься, батька,—насмешливо вмешался другой гость, подъячий Тмысляков,— „были у нас и прежде академии: скоморошеское училище для шутов и комедиантов... Царь Алексей Михайловичу как тебе, отец

Василий, должно быть ведомо, любил всякие потехи и, хотя для народа всякие музыкальские орудия в запрете были, а у самого-то государя в хоромах немцы и на цымбалах, и на органах и на скрипках играли. В комедиантское-то училище к магистру Яну Готфриду, родом из немцев, двадцать шесть молодых парней из московских мещан в учение отдать царь велел. Брали туда также в ученики из нашей братии — подъячих и учили их у мастера Яна разным потешным художествам".

— А где ты, отец Онуфрий Михайлович, обучался? отважился спросить хозяина Никита.

— Я-то где обучался?.. Привел мне Господь учиться в хорошем месте. — Лет тридцать тому назад, боярин Ртищев завел своим иждивением здесь, в Москве, училище при Андреевском монастыре и вызвал туда православных монахов из Польши и Малой Руси; были там так же и греческие монахи. — Вот они-то и научили меня всем, названным тебе наукам, а без них пришлось бы мне на всю жизнь остаться темным человеком.

— И теперь также училище обретается в Андреевском монастыре?— спросил Никита.

— Нет его уж там, оно было переве-

дено в Заиконоспасский монастырь и составило одно училище с нынешней академией.

— Наша Заиконоспасская — славяно-греко-латинская академия вот с чего пошла; — заговорил ободрившийся Добротворяев, — в 1679 году прибыл в Москву из Иерусалима монах Тимофей, родом — человек русский, и доложил Царю, что наука в Греции пришла в конечный упадок и великое разорение. Тогда благочестивый царь захотел устроить в Москве греческое училище, чтоб соблюсти прежнюю науку и вознамерился заманить туда ученых греков, чтобы они в православной Москве поддержали эту науку и нас просветили ею. Царь, по благословению святейшего патриарха Иоакима, велел составить училище из 30-ти юношей и поместил это училище в трех верхних палатах над печатней, а мирянина из греков — Мануила поставил учителем. Спустя несколько времени, царь стал просить патриархов вселенских, чтоб они прислали к нему в Москву учителей по языкам греческому, латинскому и по свободным наукам и тогда, в 1685 году, прибыли сюда греки — братья Иоанникий и Софравий Ликудьевы из знатного, но захудалого княжеского рода. Поместили их в Богоявленском монастыре, куда и перевели учеников Мануила, а потом

уже заложили в Заиконоспасском монастыре каменную палату, которую называли академией.

— Забыл ты, Никанор, одно добавить— сказал отец Онуфрий, — забыл сказать на чьи деньги эта палата построена, — а добродетельных людей помянуть надо. — Был здесь в Москве иеродиакон, из греков, по имени Мелетий; он то завещал 2000 р., на которые после праведной кончины его должны были устроить училище. К этим деньгам царь добавил своих и на них-то для академии палаты построили.

— Правда, и есть — подтвердил, студиозус— я не договорил этого...

— У нас — продолжал он — учат теперь всем наукам, святою церковью греческого закона невозбраненным и диалектам иноземным: — греческому, латинскому и польскому".

Никита внимательно слушал и завидовал молодому студиозусу, который так свободно говорил о всех этих предметах, тогда как он, Никита, не только не мог вмешиваться в их речи, но и большею частью не понимал о чем идет речь.

— На неделе будет праздник, — сказал Добротворяев, прощаясь с Никитой, — заходи ко мне пораньше в академию и мы пойдем вместе в Кремль: — я тебе покажу там многое, чего ты еще не видал... Сходи ко

еще к ранней обедни в церковь Николы Чудотворца, там послушаешь „красный звон“. Ни на одной московской колокольне так стройно не звонят, как на тамошней.— Говорят, что издалека приезжают, чтобы его послушать.— Потом как удосужусь, поведу тебя в царскую печатню или друкарню, называемую по-гречески типографию; там книги печатают и между печатниками есть у меня знакомцы.

VIII.

 Между тем Демьян Григорьевич Антуфьев тоже знакомился с Москвой. Побывал он у многих своих земляков и узнал, что одни из них устраивались в Москве и удобно и выгодно; другие же — жаловались, что иноземцы вырывают у них из рук торговое дело и уж теперь в Москве не прежнее житье.

— Плохо приходится нам, торговым людям, — говорили в Москве русские купцы старику Антуфьеву. — Быть нам вечно в нищете и скудости и все оттого, что мало между нами самими ладу; а посмотришь у немцев совсем не то:— живут у них торговые люди

между себя союзно и друг друга чужому не выдают. А у нас торговые люди все врознь бредут — неладица большая между ними — так как же тут иноземцам на нас не наступить и не брать над нами верха?

Итак, поразведав все о ходе торговли в Москве, Демьян Григорьевич увидел, что здесь купеческие дела идут несколько не лучше, чем в других русских городах — хотя бы и Севске. Присмотревшись же к самым способам торговли, он нашел, что с добросовестностью тут тоже многого не сделаешь и что такие занятия не придутся по душе Никите и дядя Демьян перестал хлопотать, чтобы устроить Никиту по торговой части, а решил — пусть он лучше учится по охоте, нежели возьмется за такие дела, к которым у него нет ни любви, ни склонности.

— Старайся Никита, чтобы попасть тебе к мудрым и благочестивым наставникам, а о торговле не думай — не твое это дело, — сказал однажды старик племяннику.

— Оно, пожалуй, так и выходит — не люблю мне торговое дело. Тут же Никита рассказал дяде о своем знакомстве с отцом Онуфрием и о тех беседах, что он слышал об академии.

— Вот что, Никита, как пойдешь опять к отцу Онуфрию, так попытай у него, не

уделит ли он мне досужего времени? Хотелось бы расспросить его кое о чем, — сказал Демьян Григорьевич, начавший с приезда в Москву еще более тревожиться разными церковными спорами, возбуждавшимися тогда на каждом шагу.

Надо сказать, что в то время на Москве стояла бурная пора. Староверие крепко держалось в Московских слободах и приверженцы его все более и более ожесточались, вследствие поднятых на них гонений и притеснений. Волнения стрельцов, раздоры в самом царском семействе, увеличивающаяся власть царевны Софьи Алексеевны и новые порядки в церковном управлении — все это не могло не отозваться на общем настроении умов.

В Москве не умолкали еще толки о казни главных вожаков староверия — Никиты, прозванного Пустосвятом и о бывшем протопопе Авакуме.

Всюду слышалось большое возбуждение и старик Антуфьев еще больше смущался, не зная где же церковная истина: на стороне ли патриаршей или народной?

Что же касается племянника его, то Никита пока не тревожился богословскими вопросами, но скорее придерживался новшеств, так как

думал, что это скорее могло помочь его учению.

Эту мысль подтвердил и новый товарищ его Добротворяев, когда они, согласно уговору, шли осматривать Кремль.

— Ведь вот, ревнители нашего древнего благочестия,— сказал Никанор товарищу, — быть может, они и правы, да беда в том, что если послушать их, то ничему кроме того, что в божественных книгах написано учиться не статочно, а между тем великие святители, которых они сами признают богоугодными мужами: Златоуст, Григорий и Василий— называемые отцами церкви, были не только сами люди ученые, но и другим внушали, что всем наукам учиться следует...

В свою первую побывку в Кремле, Никита, как человек робкий, не знакомый с московскими обычаями и напуганный разными угрозами — боялся приостановиться, чтобы разглядеть внимательно что-нибудь, боясь, что вот, вот сейчас какой-нибудь стрелец его прогонит или еще куда-нибудь упечет и он шел мимо,—даже не оглядываясь.

Совсем иначе чувствовал он себя теперь, расхаживая вместе с Никанором, который смело объяснял ему все виденное и, наконец, остановившись в некотором отдалении от

дворца, дал ему возможность подробно рассмотреть наружность царского жилища.

С первого взгляда Никите представилось одно громадное каменное здание, но, взглядевшись, он увидел, что здание это состояло из отдельных построек разной величины, которые соединялись в одно целое, теснясь плотно одна к другой и возвышаясь друг над другом. Каждая постройка отличалась какою-нибудь особенностью:— на одной — крыша была покатая, в виде скирда; на другой — в виде огромной луковицы. Над дворцом возвышались маковки золоченные, обитые блестящей жестью, облитые оловом с разными вытиснутыми на нем узорами; между этими маковками поднимались башни и башенки, то с ровными, то с зубчатыми верхушками.

Дворец представлялся какой-то пестрой громадой: не только какая-нибудь целая стена, но и отдельные её части были окрашены в разные цвета с самыми разнообразными оттенками. Окна не одинаковой величины были как бы раскиданы в большом беспорядке; в одних были вставлены стекла, в других — слюда, расписанная разными узорами. В одних стеклах были золоченные, а в других—простые крашенные деревянные решетки. На стенах, кроме того, виднелись изображения дву-

главых орлов, единорогов, драконов и львов.

Во дворец вела широкая каменная лестница с вызолоченными по сторонам балясинами и с такою же замыкавшею ее решеткою. Лестница эта называлась „красным крыльцом“. На ней в день приезда бояр к государю, толпились царедворцы в парчевых и бархатных ферязях; а с главной её площади дьяки прочитывали во всеуслышание царские указы— порою милостивые, порою грозные.

Никита молча дивился великолепию царского жилища, да это сделал бы не только какой-нибудь заезжий севчанин, но и любой европеец, так как и этот последний нигде не мог увидеть здания такой вычурной и прихотливой постройки, каким был в ту пору кремлевский дворец.

Добротворяев показал Никите вновь выстроенный о двух жильях каменный дом для царевны Софии Алексеевны и добавил, что в нижнем жилье этого дома устроена большая палата для заседания боярской думы, почему и говорят в народе, будто царевна отняла у своих братьев боярскую думу и хочет одна править государством самовластно.

— Посмотрел бы ты, что в самих царских чертогах,—рассказывал студиозус Никите.—Когда я был певчим в „патриаршей

ризнице, то мне приходилось бывать там по праздникам и нельзя было надивиться какие там чудеса. А у царевны Софьи Алексеевны, как говорят, хоромы отделаны куда как пышнее, чем у самих государей; есть у неё и „листы" иноземные с разными „персонами" и картинами, цветы в горшках такие, как немцы у себя в слободе разводять; есть у неё и заморские птицы, и попугай—птица, которая по человеческому говорить!

Никита слушал своего знакомца и только удивлялся.

— А вот я слышал еще в Севске о грановитой палате. Что она такое будет? — спросил Никита.

Студиозус показал ему направо от „красного крыльца" и начал поучительным тоном:

— В Грановитой палате цари принимают чужеземных послов. Палата эта расписана по стенам „житейской живописью" по золотому полю, т. е. на золоте представлены события из священного писания, а также нарисованы лики бывших великих князей и царей московских. Там же целыми горами стоит царская столовая утварь из серебра и золота, на которой царь угощает приезжих послов... — Эх, брат,— добавил Добротворяев, махнув рукой, — в Москве столько богатств и дико-

ковинок, что всех их я не перечесть, и не перескажешь.

— А вот смотри-ка,—добавил он, приостанавливаясь,—как широко раскинулись царские сады!

Действительно, в ту пору сады эти занимали не только значительное пространство в самом Кремле, но распространялись и в Китай-город.

Но на это Никита не обратил особенного внимания, а поразил его Чудов монастырь с своими пятью храмами, только что заново отстроенными. Здесь же находилась патриаршая палата, это обиталище московского и всероссийского первосвященника, с маленькими окнами, заделанными толстыми железными решетками, с каменными помостами и со множеством наружных переходов.

— Вот где книг-то множество!— сказал студиозус, указывая глазами на патриаршую палату. Один Арсений Суханов, по приказанию патриарха Никона *), привез с Афона столько книг, что, пожалуй, самый прилежный

*) Никон — пятый по счету патриарх московский, при царе Алексее Михайловиче 26 июля 1651 г. стал патриархом Московским и всея Руси. Один из крупнейших деятелей древне-русской истории. Два главных дела обратили его внимание: 1) устройство внешнего благочиния в церковной богослужении и 2) самое важное — исправление богослужебных книг, чем вызвал сильное противодействие со стороны народа и создал этим раскол русского старообрядства.

человек не перечитает их во всю жизнь свою!

— Эка вышиница!—проговорил вдруг Никита, закидывая вверх голову, чтобы взглянуть на золотую шапку Ивана Великого.

— Да, в ней меры сорок сажен, а с крестом сорок семь сажен и полтора аршина считается, а ступеней на лестнице будет четыреста десять.

— А из-за чего она прозывается Ивановской?

— Потому что на этом месте прежде стояла церковь Ивана Спасителя Лествицы, а колокольню построил уже царь Борис Феодорович Годунов, для того, чтобы дать народу работой прокормиться при ней в голодное время.

От колокольни речь перешла к колоколам и Добротворяев показал Никите „Царь-колокол“, но не тот, который теперь так называется, а висевший тогда на особой брусяной постройке между колокольней Ивана Великого и соборами Архангельским и Успенским. Никанор сказал при этом, что в этот колокол ударяют с большой расстановкой три раза, для извещения о смерти царя или членов его семьи, а также и патриарха.

Осмотрели затем соборы Успенский и Благовещенский и порядком утомившись, они пошли на обед к отцу Онуфрию.

Прощаясь с отцом Безпоконным, Никита сообщил ему о желании своего дяди повидаться с ним.

— Слышал я о Демьяне Григорьевиче от Ивана Дмитриевича Шурупова тоже севчанина и рад буду познакомиться с ним. Проси его пожаловать ко мне после вечерни,— сказал отец Онуфрий.

IX.

Когда после вечерни Демьян Григорьевич пришел к отцу Онуфрию, то застал его за работой в огороде.

В ту пору в Москве разводили в огородах только самые простые овощи и отец Онуфрий пытался было вырастить дыни, семена, которых лишь недавно привезли в Москву, как говорят из Дании. На довольно обширном огороде отца Онуфрия росли: лук, горох, морковь и др. не затейливые овощи.

Преимущественно же он разводил капусту и редьку, считавшиеся изстари любимой едой русского человека.

Завидев гостя, которому поповская работница отворила ворота, отец Онуфрий поспешно пошел к нему на встречу и, ласково встре-

тив Антуфьева, ввел его в горницу. Попадья поднесла гостю чарку водки и, исполнив обязанность хозяйки, ушла в свою светлицу, а между хозяином и гостем началась беседа, в которой Демьян Григорьевич надеялся найти успокоение своим сомнениям относительно староверия и церковных новшеств.

— В исправлении церковных книг надобность пожалуй и настала,—говорил отец Онуфрий,— да для кого: для духовных или мирян?... Для духовных оно, почитай, и нужно было бы, да и то не для всех; ведь наши попы и монахи, да чего доброго и архипастыри как по старым, так и по новым книгам, сами мало понимают!...

— По твоему значит, отец Онуфрий,— церковных книг лучше бы не исправлять? спросил Демьян Григорьевич.

— Пожалуй, что так. Весь то раскол начался из-за пропуска буквы „а" в символ веры, да слова „огнем" при крещенском водосвятии. . . Простецы сами по себе бы не заметили, да начетчики подхватили, а затем к церковной распре приложилась еще мирская ярость...

— Ну, а что же будет истиннее: старые или новые книги?—спросил не без волнения старик Антуфьев.

— Трудно это решить, Демьян Григорье-

вич, а скажу тебе только одно:— истину утверждают не буквой, а духом! По моему разумению, молиться можно и по старым и по новым книгам одинаково. Это не грех и не беда. А вот если начнешь нарушать заповеди Господни, то не спасешься ни по старым, ни по новым книгам!

— А что же ты думаешь, отец Онуфрий, о двухперстном знамении и о хождении посолонь? спросил Антуфьев.

— Думаю я, по елику заповеди Божии о том, как креститься или как ходить с крестом и иконами не дано, то тут не может быть нарушения перед Господом...

Из дальнейшего собеседования с хозяином Демьян Григорьевич мог только убедиться, что хотя отец Онуфрий слыл за умного и ученого — все же он не в состоянии был утвердить его в правильности никоновских новшеств и сомнения Антуфьева остались те же.

На другой же день после свиданья с отцом Онуфрием Демьян Григорьевич на рассвете отправился пешком в Троицко-Сергиевский монастырь поклониться святым угодникам и поразведать еще кое-что о делах церковных. Дорога, по которой он шел, была в ту пору, вероятно, самой оживленной на Руси. По ней постоянно тянулись богомольцы в богомолки разных сословий и званий. Тут встре-

чались нищие, убогие, бедные, а рядом с ними ехали и нередко шли пешком именитые купцы и дворяне, а подчас и кто-нибудь из царского дома.

Старик Антуфьев плелся один с котомкой за плечами, погружаясь в свои обычные думы. Он проходил через лежавшие на пути села, при которых в некоторых местах были устроены „царские станы“, так как государи, предпринимая так называемые „походы“ в Троицкую обитель, совершали лежащий путь пешком, отдыхая в устроенных на этом пути станах или шатрах.

Дорога эта, не представлявшая особенно живописных мест, шла большей частью лесом, но так как по ней езжали часто цари со своими семействами и бояре, то она была устроена лучше других проезжих дорог: рытвины и промоины на ней были сглажены, а в тех местах, где оказывались хотя и не глубокие топи, была настлана брусая мостовая. Здесь встречались колодцы, постоянные дворы и даже лавки с разными съестными припасами, так что путник мог с удобством отдохнуть и во всякое время года укрыться от непогоды.

Старик Антуфьев шел одиноко. Подходя уже к Хотькову монастырю, он вдруг увидел из придорожного леса какого-то ветхого

старика, который быстро подошел к нему и, пристально всмотревшись, сказал:

— А ведь мы, Демьян Григорьевич, с тобой давнишние знакомцы!... Разве не узнаешь меня? А в молодости мы частенько встречались на Украине... Ведь я—Феодор Тихонову по прозванию Копытов.

— Так и есть,—вскрикнул Антуфьев,— Бог ведает с коих пор мы не видались,— состарились и теперь трудно признать друг друга!

— Я то, лежа на траве в леску, долго в тебя вглядывался, как ты шел,—кажись, говорю, знакомый?—и наконец признал тебя!... В Сергиев монастырь плетешься?—спросил он.

Демьян Григорьевич утвердительно кивнул головой.

Во время всего остального пути до Сергиева монастыря, шла между стариками беседа относительно тогдашних церковных настроений, и речи Феодора Тихоновича глубоко западали в ум и сердце его спутника и он начал помышлять о том, как бы ему, избегая соблазна, пробраться вместе с Копытовым на Иргиз *), где, как стало казаться Антуфьеву, вдали от еретиков, должна находиться обетованная земля для русских людей, желавших соблюсти во всей чистоте истинную праотеческую веру.

*) Река Иргиз близ Саратова, где находились раскольничьи скиты.

Х.

В ту пору, когда Демьян Григорьевич под влиянием своего знакомца все решительно думал оставить Москву и пробраться на восток, в Заволжье, — Никита, жаждавший книжного ученья, не только хотел остаться в Москве, но и начинал подумывать о том, как бы пробраться на запад—за море и посмотреть, как живут тамошние люди.

Эта мысль впервые запала ему, когда он однажды случайно забрел в немецкую слободу.

Немецкая слобода, составляла как бы особый пригород столицы, резко отличалась от тех частей, которые были заселены коренными русскими жителями. Слобода эта строилась по образцу тогдашних маленьких немецких городов. Она состояла частью из больших, по тому времени, каменных двух и даже трехэтажных домов с выбеленными стенами, с красными черепичными крышами, с довольно большими окнами, балконами и террасами, выходившими в сады и полисадники, в которых виднелись цветники среди правильно расположенных аллеек. Сады и полисадники были огорожены решетками из точеных балясин и досок с узорча-

тыми прорезами. Улицы были частью с каменной, частью с деревянной мостовой; по сторонам они были окопаны канавами для стока воды и с проложенными для пешеходов дорожками, обсаженными деревьями. Над рвами висели красивые мостики. Небольшие деревянные домики, встречавшиеся в пережку с каменными домами, были снаружи обиты тесом и, окрашенные в светлую краску, выглядели весело и уютно,

По улицам происходило значительное движение. Зажиточные негоцианты катались в расписных каретах, запряженных лошадьми в иностранной упряжке; разъезжали всадники в коротких колетах, с накинутыми поверх епанчами и маленькими беретами на головах или же в войлочных шляпах с широкими полями. По дорожкам гуляли иностранцы со своими семействами. Тут были молодые люди с плотно натянутыми шелковыми чулками на ногах, в разноцветных кафтанах немецкого покроя и туго зашнурованные иностранки в платьях, затейливо отделанных оборками с перьями и лентами. На прудах кавалеры с дамами катались в лодочках. По временам проходил по слободе, спешивший к больному „дохтур“ в черном обтянутом костюме (усвоенном тогда всеми врачами в Европе) с большим бе-

лым накрахмаленным воротничком, сложенным в мелкие складочки. Из открытых окон слышались или пение, или звуки то клавикордов, то арфы, то лютни. Вообще здесь встречалась совершенная противоположность тому, что было в самой Москве, где под вечер не было уже заметно никакого движения и никаких признаков жизни. Все, что пришлось тогда встретить Никите в Немецкой слободе, представлялось ему странным и заманчивым. Он смотрел на слободу, как на диковинку и ему пришло в голову, что хорошо было бы поглядеть, как живут чужие — не русские люди у себя за морем. Переход к слишком заметной разнице не мог не подействовать на впечатлительного и любознательного человека и в голове его стали бродить мысли, которые прежде не затрагивали ни его ума, ни воображения.

Некоторые благоприятные для Никиты обстоятельства усиливали в нем жажду знаний. Он не только рад был читать книги, но его занимал вопрос о том, как их готовят и вот Никанор Добротворяев познакомил его с одним из работников, занимавшихся на печатном дворе и этот последний обещал Никите показать все „книгопечатное дело“.

В то время типография была одним из

самых лучших зданий в Москве. Оно шла вдоль Никольской улицы на протяжении почти ста саженей. Как все тогдашние каменные строения, типография была о двух жильях. У ворот этого здания довольно прихотливой архитектуры были поставлены с каждой стороны солнечные часы, а в верхнем полукружии ворот красовалась большая надпись, гласившая: „Божиею милостию и повелением благоверного и христоролюбивого великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, и сына его, благоверного и христианского царевича и великого князя Алексея Михайловича всея России— сделана была сия палата на дворе под воротами книгопечатного тиснения в лето (7153 1645 г.) месяца иуния в 30 день". Доску с этой надписью поддерживали с одной стороны—лев, а с другой—единорог.

Изображения этих зверей были сделаны и на плоских столбах, примыкавших к воротам. На этих столбах, как и на всем здании, были изображены разные причудливые узоры. Такими же узорами были изукрашены две колонны, между которыми помещались книжные лавки.

Но особенного внимания заслуживало здание, находившееся внутри двора типографского помещения. Это была довольно обширная камен-

ная палата, построенная еще в 1562 году царем, Иваном Васильевичем Грозным и потом расширенная при царе Василии Ивановиче Шуйском. В этой палате помещались первая Московская типография и первая книжка, напечатанная здесь, „Деяния Апостольские“.

Работы в типографии произвели сильное впечатление на Никиту; он с изумлением смотрел, как чистый лист бумаги, положенный под ручные тиски, мгновенно выходил оттуда, покрытый церковно-славянскими буквами, которыми до Петра Великого печатались без исключения все книги у нас на Руси.

В числе типографских заправил Никита познакомился с одним уже не молодым шведом — Акселем Альмквистом, который еще молодым человеком попал в Москву со шведским посольством и так обжился здесь, что считал Москву, чуть ли не своей родиной.

Пытливый и любознательный Никита любился шведу и он решил взять его под свое покровительство.

Показав в подробностях все „печатное дело“, он объяснил каждую безделицу и наконец зазвал к себе Никиту, обещая показать ему еще много иноземных диковин. Никита стал часто бывать у Альмквиста и под конец совсем подружился с ним.

Вечером, отдыхая от дневной работы, Аксель любил беседовать с Никитой и рассказывать ему как живут люди за морем. В воображении Никиты рисовались разные заманчивые картины и мысль повидать эти страны по временам не давала ему покоя. Иногда, заканчивая свои рассказы, Аксель прибавлял, что хотя он и свыкся с Москвой и любил ее, но если бы не был женат на русской и не имел бы детей, крещенных в православную веру, то уехал бы опять на запад, где в то время жилось людям свободнее, чем в государстве Московском и научиться всему там было куда как легче.

Слушая эти рассказы, Никита все же не забывал главной своей цели — сделаться студюзом славяно-греко-латинской академии и усердно подготавливался к ней. Аксель знакомил его с историей, географией и даже математическими науками; отец Онуфрий учил его латыни, греческому и богословию, а Никанор Добротворяев развивал его по части пиитики, риторики, философии. Толковый и способный Никита, начинал уже мало-помалу усваивать себе начатки учения и поступление в „инфиму“ академии казалось ему хотя и трудным, но уж не столь невозможным, как прежде, но теперь она его не так привлекала, а судьба решила все совсем иначе...

ХІ.

Наступала зимняя пора. Дни становились короче и Никита стал чаще заходить к отцу Онуфрию коротать скучные осенние вечера.

Однажды в сумерках, возвращаясь с требы, отец Онуфрий заметил у полуотворенных ворот своего дома двух, тихо разговаривавших между собой, людей, лица которых за наступившей темнотой трудно было рассмотреть. Приблизившись, он признал, что один из них был Никанор Добро-творяев, а другой — Никита, передававши своему товарищу, что сегодня принесли ему грамотку от Демьяна Григорьевича и что он ей не может надивиться.

— Пишет мне дядя,— говорил он взволнованным голосом, — что он уже никогда ни в Москву, ни в Севск не вернется, и что он на веки отошел туда, где предстоять праведные пред Господом. Наказывает он мне, как я сам пожелаю, расположить всеми его животами, — а мне, мол, — ничего более не нужно. Подумать можно, что он на свою жизнь посягнуть хочет, а то бы не писал, что отошел туда, где предстоять праведные пред Господом?! Ведь покончить со

своей жизнью — грех страшный и за то в лики праведных не попадешь, закончил Никита.

— Да не держался ли он старой веры, или не был ли он к ней склонен!—догадывался Никанор.

— Держаться-то не держался, а склонен, кажись, был...

— Ну, теперь ведомо, Никита, где укрылся твой дядя. Верно сманили его на Иргиз*) люди старой веры: — они туда многим множеством сходятся и хотят жить сами по себе без царя и патриарха... Торговых людей из Москвы ушло в ту сторону не мало. Туда идут все, что не хотят иметь общения с никонианцами.

Когда отец Онуфрий поровнялся с ними и все трое вошли в дом, то далеко за полночь продолжалась между ними беседа о поступке Демьяна Григорьевича. Никита горевал и не мог примириться с мыслью, что он остался теперь совсем одиноким и никому не нужным на свете. Добротворяев утешал его, а отец Онуфрий покачивал головой и

*) Река Иргиз—Большой и Малый Иргиз притоки Волги в Самарской губ. По Большому Иргизу находятся Иргизские единоверческие монастыри, которые образовались из прежних раскольничьих скитов. Здесь в старину раскольники принимали к себе беглых и даже укрывали преступников, бежавших из Сибири.

скорбел о том, что такой, по его мнению, рассудительный и умный человек, как старик Антуфьев, не мог устоять против наветов старообрядцев.

Но время шло и Никита понемногу утешился. Посещая Аселя, в беседах с которым он находил для себя большое развлечение, он все больше и больше увлекался мечтой добывать за морем и под конец решился признаться шведу в своем намерении хоть на время покинуть родину и поглядеть на то, как живут иноземцы. Альмквист не только не возразил на это, а, напротив, одобрил желание Никиты и прибавил, что молодому, любознательному человеку не мешает побывать в иностранных государствах, научиться иностранным языкам и что, вернувшись тогда на родину, можно получить хорошее место в Посольском приказе, где всегда бывают нужны люди, знакомые не только с иностранными языками, но с их нравами и обычаями.

— Не ездь только на чужую сторону без денег: — без них там много набедствуешься. Коли не посчастливится—придется, пожалуй, пойти на тяжелую работу, а не то помрешь с голоду! — предостерегал его осторожный швед.

Но Никите нечего было опасаться этих

печальных случайностей, так как от проданного имущества дядя он получил достаточно денег и по расчету того же Акселя мог беззаботно за рубежом прожить довольно много времени, учась тому, что было мило.

Надо заметить, что в ту пору получить „проезжую“ грамоту за границу было делом почти невозможным, так как правительство даже торговых людей не охотно выпускало из пределов государства и Никите пришлось изыскивать средства как бы тайком пробраться за Московский рубеж. Аксель Альмквист, вспоминая свою молодость, когда ему тоже стоило не малых ухищрений оставить свою родную Швецию, взялся устроить побег Никиты и стал подыскивать надежного сообщника.

А между тем, когда все это происходило в Москве, Демьян Григорьевич с Феодором Тихоновым шел все далее на восток, направляясь к среднему течению Волги. На пути к ним примыкали из разных городов поборники старой веры и таким образом увеличивалось число русских людей, уходивших в Заволожье от преследований, воздвигнутых против них никонианцами. В лесных привольях, тянувшихся за Волгой по берегам реки Иргиза, новые переселенцы устраивали скиты по образцу древ-

них иноческих обителей и некоторые из них представляли довольно обширные поселения, имевшие вид укрепленных городов. В один из таких скитов пробрался Демьян Григорьевич и решил поселиться там навсегда, чтобы до конца дней своих строго блюсти древле отеческое православие, вопреки никонианцам, от которых он окончательно отшатнулся под могучим влиянием Феодора Тихоновича.

Что же касается Никиты, то в конце концов поиски его увенчались успехом и он, при содействии спутника, добытого Акселем, полный великих надежд и замыслов, пробрался за русско-шведский рубеж, где, по его мнению, находился тот источник знания и света, — к которому он так настойчиво и всей душой стремился.

ИЗДАНИЯ

Общества распространения полезных книг.

Москва, проезд Петровских торговых линий.

РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ:

Князь Владимир Святой.	ц. 25 к.
Владимир Мономах.	" 10 "
Ярослав 1-й Великий.	" 10 "
Первый Владимирский князь.	" 10 "
Князь Михаил Черниговский.	" 5 "
Невская битва.	" 10 "
Соломония Сабурова.	" 25 "
Иоанн Васильевич Грозный.	" 15 "
Марфа Посадница.	" 10 "
Покорение Казани.	" 15 "
Ермак Тимофеевич.	" 10 "
Князь Серебряный.	" 20 "
Филипп митрополит.	" 5 "
Царь Феодор Иоаннович.	" 5 "
Иван Сусанин.	" 10 "
Патриарх Гермоген.	" 10 "
Минин и Пожарский.	" 20 "
Избрание Мих. Ф. Романова на царство.	" 10 "
Верба.	" 5 "
Добрый боярин старого времени.	" 12 "
Петр Великий.	" 5 "
Новый 1700 год.	" 5 "
Кузнец Демидыч.	" 5 "
Полтавский бой.	" 10 "
Второй Император.	" 10 "
Императрица Елизавета.	" 5 "
Екатерина Великая.	" 5 "
Княгиня Е. Р. Дашкова.	" 10 "
Потемкин-Таврический.	" 5 "
Графиня Екатерина Ивановна Головкина.	" 15 "
Александр 1-й Благословенный.	" 8 "
Наша Отечественная война.	" 10 "
Бородинская битва.	" 10 "
Московский Китай-город.	" 5 "
Киево-Печерская лавра.	" 5 "
Соловецкий монастырь.	" 5 "
Преподобный Сергий и Троицкая лавра.	" 5 "
Колоцкий монастырь.	" 5 "